
Академик на пепелище

[Егор ХОЛМОГОРОВ](#) - 05 февраля 2015

Body

[Рукописи горят](#). Всех, кто в этом сомневается, должна убедить история Александрийской библиотеки, сожженной в 273 году императором Аврелианом (а не христианами и не арабскими халифами, как гласит позднейшая легенда). Ее трагедия наглядно отвечает на вопрос, почему все-таки рушатся цивилизации. Их уничтожают не варвары, а собственный упадок.

В гутенбергову эру, вроде бы, книжного дефолта случиться не может. Печатные тиражи позволяют заменить утерянный экземпляр другим, какие бы костры ни выкладывали нацисты, как бы ни запирали книги в подвалах и спецхранах. Но если книги и в самом деле последние несколько веков от огня защищены, то по-прежнему горят библиотеки.

Библиотека — это больше чем ряды томов, выставленные на полках. Это книжный космос. Впечатление, производимое каждой, неповторимо, а ее гибель, разорение, раздача по частям — огромное бедствие. Как не без горького цинизма выразился один знакомый букинист: «Наш самый надежный поставщик — фирма «Умер».

Именно так обстоит дело и в случае с Библиотекой ИНИОН. Она была создана по образцу американской Библиотеки Конгресса и предоставляла избранным советским ученым пропуск в мир богатства западной социальной мысли. Затем для «недопущенных» к библиотеке был «прикручен» институт, реферативные сборники которого были зачастую единственной возможностью ознакомиться с идеями тех или иных зарубежных мыслителей.

Казалось бы, политический контекст, делавший ИНИОН необходимым, отпал — первостепенные переводы много раз опубликованы, в реферировании, при наличии первоисточников, необходимости нет. Но... десятилетия вне мирового контекста не прошли для нашей социальной науки даром. Многие из ставшего классикой «там», до сих пор неизвестно и не опубликовано «тут», имеется на всю Россию лишь в единственном экземпляре — именно в ИНИОН. Точнее, имелось.

Гуманитарная катастрофа, случившаяся в ИНИОН, может быть в системе горьких метафор приравнена разве что к геноциду. Это, простите, не «духовный Чернобыль», а «духовный Освенцим». ИНИОН был первой научной библиотекой Москвы по подбору совершенно

уникальных изданий. Сгорело, как утверждают на глазок, до 20 % от собрания, содержащего порядка 14 млн. единиц хранения. Причем пожарные утверждают, что в официозных отчетах цифры сильно занижены и, вопреки гуляющим утешительным реляциям, книгохранилище затронуто весьма серьезно.

.

Кто за это ответит? Активно обсуждается версия о поджоге. В самом деле, каждый клочок старой Москвы, не занятый торговым центром, вызывает у девелоперов и некоторых чиновников когнитивный диссонанс — они готовы на многое, лишь бы развернуть очередную стройплощадку. С другой стороны, в самом здании отсутствовали и нормальная сигнализация, и сколь-нибудь современная система пожаротушения, какими сейчас обставляют каждый приличный офис.

.

Недофинансирование нашей науки общеизвестно. ИНИОН к тому же попался в ловушку между двумя статусами — будучи, по сути, огромной библиотекой (то есть предприятием, требующим серьезных средств), формально он оставался лишь одним из академических институтов, на которые выделяются бюджеты, явно несопоставимые с потребностями книгохранилища. В результате здание откровенно замусоривалось, покрывалось пылью, все отчетливее напоминало руины с высохшим фонтаном у входа. И однажды это обилие проблем просто должно было «рвануть»...

.

Но работает и человеческий фактор. Я давно слежу за выступлениями директора ИНИОН академика Пивоварова, за тем, как он «проходится» по Сталину, Кутузову, Александру Невскому. Последнего он вообще абсолютно необоснованно представляет «смердной фигурой», чуждой рыцарским понятиям. Директор ИНИОН прославился в качестве исторического Шендеровича либеральной прессы. Тоже занятие, если бы не одно «но...». Ни разу за годы публичных выступлений я не слышал, чтобы академик Пивоваров бил в набат по поводу вверенной ему уникальной библиотеки. Ни разу не воспользовался он трибуной, чтобы пусть даже между прочим упомянуть: «А знаете, мой институт с миллионами книг может в любую минуту сгореть, сделайте что-нибудь». Не додумался или не захотел? Либо, что вернее, руководствовался принципом либерального менеджмента: «Да гори все советское наследие синим пламенем, зачем нужен ИНИОН, если есть подлинная Библиотека Конгресса, езжайте в Вашингтон и там читайте».

.

Ровно по той же логике у нас закрываются больницы и поликлиники, отменяются электрички, сливаются и уничтожаются детсады, школы, институты. У «продвинутых» и так все это есть в заграничном варианте, а «быдло» обойдется. В данном случае в «быдло» попали специалисты сотен провинциальных вузов, для которых возможности заграничных стажировок (особенно с нынешним курсом валют) практически нет, а потому ИНИОН был единственной надеждой сделать качественную работу.

.

С гибелью ИНИОН (очевидно ведь, что если и не все книги сгорели, то, в любом случае, они стали недоступными на пять — десять лет) социальные науки за пределами Москвы и Санкт-Петербурга умрут, да и в столицах пострадают. Исследователям останутся два пути: научная деградация или стопроцентная зависимость от иностранных фондов и приглашений, критерии которых, как бы сказать помягче, все более политизируются и

идеологизируются.

Сложившаяся ситуация нуждается не только в оргвыводах (хотя и в них тоже), а в осознании и системном прорыве. Пожар дает трагический повод для обновления — возвращения к изначально заложенной в идею ИНИОН концепции аналога Библиотеки Конгресса. У нас есть уникальный шанс построить для этой библиотеки новое современное здание, удобно разместить существующие и докупить новые фонды, организовать систему доступа исследователей, оцифровки книг. То есть превратить библиотеку в действительный центр научной информации, которая, поверьте, в эпоху интернета и сомнительных статей в «Википедии» еще более актуальна, чем в эпоху спецхранов.

[Егор ХОЛМОГОРОВ](#) - 05 февраля 2015

<http://webkamerton.ru//2015/02/akademik-na-pepelihshe>